

2. Косенко, П. П. Иртыш и Нева [Текст]: двенадцать лет из жизни Федора Достоевского, литератора / П. П. Косенко. – Алма-Ата: Жазушы, 1971. – 262 с.

3. Якушин, Н. И. «Достоевский в Сибири» [Текст]: очерк из жизни и творчества / Н. И. Якушин. – Кемерово: Кн. изд-во, 1960. – 210 с.

4. Ищук, Г. Н. Тверская осень Достоевского [Текст] / Г. Н. Ищук // Смена. – 1984. – 8 декабря. – С. 4.

И. А. Пушкарева,
г. Новокузнецк

**ДИСКУРСИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ТЕМЫ
«Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ В КУЗНЕЦКЕ»
В ГОРОДСКОЙ ГАЗЕТЕ «КУЗНЕЦКИЙ РАБОЧИЙ»
КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА¹**

Аксиологическая специфика регионального издания определяется мемориально-краеведческой функцией, которую успешно реализует городская газета «Кузнецкий рабочий» (г. Новокузнецк). Г.Н. Швецова-Водка, опираясь на подход к документу и книге П. Отле (1934 г.), характеризует мемориальную функцию как одну из функций документа, при этом документ толкуется исследователем многоаспектно, с выделением 8 значений, среди которых «наиболее широкое», «охватывающее остальные» следующее: *«это любой материальный (субстанциональный) объект, как искусственный, так и природный, который может быть использован для передачи информации в обществе»* [1, с. 19]. Газетный текст соответствует и более узкому значению слова документ: *«это материальный объект, в котором зафиксирована любая запись информации, выполненная любым разработанным человеком способом»* [1, с. 20]. Мемориальная функция документа связана с его назначением в системе социальных коммуникаций: *«быть “внешней памятью” человека и человечества в целом»* [1, с. 92].

Тексты городской газеты не только реализуют типологические коммуникативные особенности газетно-публицистических текстов, но и вы-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 15-04-00216.

полняют специфическую для регионального медиадискурса мемориальную функцию, основанную на краеведческом подходе: запечатлевают настоящее города, хранят память о его истории, восстанавливают связь времен и поколений. Запечатление уходящих реалий имеет нравственную основу. Безусловно, мемориальная функция соотносится прежде всего с деятельностью музея и библиотеки [2, 3 и др.], где она является одной из основных и реализуется системно и скрупулезно. Мемориально-краеведческая функция в региональном медиадискурсе сопряжена с базовой для газетно-публицистического стиля функцией социальной оценки. Реализуется мемориально-краеведческая функция в городской газете через информирование и воздействие, связана с привлечением внимания общественности к осознанию региональной идентичности, без которого невозможно решение сегодняшних проблем региона и определение его будущего.

В региональном медиадискурсе формируются краеведческие доминанты – круг тем, которые связаны с осознанием и выражением региональной идентичности, воплощают своеобразие, колорит региона, города, села и актуализированы системой стилистических средств и приемов. Краеведческие доминанты отражают различные факторы жизни региона, определяющие его своеобразие: природную и этническую специфику, экономические особенности, события культурной жизни и страницы истории края. Каждая из краеведческих доминант связана с комплексом факторов, формирующих региональную идентичность. Особое место занимает исторический фактор, поскольку воплощение в региональном медиапространстве каждой краеведческой доминанты связано с реализацией мемориально-краеведческой функции. На основе анализа 544 текстов городской газеты «Кузнецкий рабочий», опубликованных с 1980 по 2014 гг., были выявлены краеведческие доминанты, образующие аксиологическое ядро регионального издания: «Новокузнецк металлургический», «Достоевский в Кузнецке» и «Судьба шорского народа». Особенности их семантико-стилистического воплощения в текстах разных лет позволяют осмыслить динамику духовных исканий горожан.

Одной из краеведческих доминант городской газеты «Кузнецкий рабочий» является тема «Ф. М. Достоевский в Кузнецке», введенная в медиадискурс на рубеже XIX и XX вв. в газете «Сибирская жизнь», предшественнице современных сибирских региональных СМИ, благодаря статье 1904 г., написанной уроженцем Кузнецка В. Ф. Булгаковым [4]. Как из-

вестно, в 1856–1857 гг. Ф. М. Достоевский трижды приезжал в Кузнецк и в третий приезд обвенчался с М. Д. Исаевой в Одигитриевской церкви 6 февраля 1857 г. «Кузнецкой коллизии» в судьбе Ф. М. Достоевского посвящены специальные исследования [5, 6]. И. П. Басалаева (Рещикова) предлагает рассматривать особый концепт – «Кузнецк Достоевского» [7]. Мы обратимся к особенностям семантико-стилистического воплощения темы «Достоевский в Кузнецке» в городской газете на материале 107 текстов с 1980 по 2012 гг. [8, 9, 10]. В воплощении данной темы ярко проявился такой коммуникативный принцип регионального медиадискурса, как краеведческое фокусирование: 22 дня пребывания великого писателя в Кузнецке рассматриваются в городской газете как напряжённая коллизия «грозного чувства», в которой, в соответствии с законами краеведческого фокусирования, четко выделяются три главные «фигуры»: Кузнецк, М. Д. Исаева и Ф. М. Достоевский. Тема «Достоевский в Кузнецке» связана с культурным концептом исторической памяти.

В газетных публикациях советского периода задаются два основных направления ценностного осмысления темы пребывания Ф. М. Достоевского в Кузнецке, сохраняющиеся до нашего времени: с одной стороны, роль кузнецких страниц биографии писателя в судьбе города, с другой стороны, место «кузнецкого периода» в жизни и творчестве великого писателя.

В семантико-стилистическом воплощении темы «Достоевский в Кузнецке» в городской газете наблюдаются как неизменные базовые характеристики, так и акценты, появляющиеся в определённые периоды и позволяющие судить о динамике ценностной картины мира россиян. Хотя в целом в семантико-стилистическом воплощении рассматриваемой темы наблюдается наибольшая стабильность в сравнении с другими краеведческими доминантами городской газеты.

Связь Кузнецка с жизнью и творчеством писателя представлена в газетных материалах как чудо, которое можно попытаться объяснить везением или судьбой: *«Кузнецку повезло, ведь не каждому городу выпадает на долю, пусть короткое, счастье гения»* (А. Трухина, 08.12.1987 г.); *«Так случилось, что Новокузнецк оказался хранителем уникального наследия, связанного с жизнью Федора Михайловича Достоевского. Ни один город в стране, за исключением разве что державного Санкт-Петербурга, не может похвастать столь пристальным вниманием, обращённым к нему в течение нескольких лет со стороны гениального*

писателя. Судьба это или нет, но рвущееся к Кузнецку сердце Достоевского, его венчание здесь с Марией Исаевой не только выделили Кузнецк из числа прочих заштатных городков Сибири, но и возложили на него огромную ответственность за сохранение памяти о столь значительном событии» (В. Валиулин, 12.03.1992 г.). Как видим, изотопическая цепочка державный Санкт-Петербург – Кузнецк и антитеза Кузнецк – прочие заштатные городки Сибири позволяют журналисту подчеркнуть, что прикосновение к судьбе Достоевского обязало город хранить культурную память. Это смысловое направление поддержано и материалами XXI в.

Связь Кузнецка с жизнью Ф. М. Достоевского рассматривается авторами публикаций в контексте размышлений о чести быть приобщённым к судьбе великого русского писателя и об уважении к истории малой родины: «вообще произведений, связанных с темой истории города, края, у нас ещё очень мало. Для того чтобы появился интерес к своему прошлому, к своим истокам, нужен определённый уровень зрелости мироощущения и мастерства» (из статьи искусствоведа В. Откидач о произведениях художников-новокузнецчан, посвящённых Ф. М. Достоевскому, 17.03.1981 г.); «терпением, скрупулёзностью и точностью измерялось уважение к писателю, к реликвиям родного города» (Ю. Некрич, 22.05.1980 г.). Нравственной основой таких размышлений в публикациях разных лет является память, причём актуализируется этическая оценка; межтекстовый статус приобретает антитеза памяти и беспамятства, забвения. Лексические компоненты антитезы мы находим во многих материалах, например: «новокузнецчанам по-особому дорога **память** о великом русском писателе» (В. Откидач, 17.03.1981); «дом этот то обрекался на полное **забвение**, а то и, выйдя из этого **забвения** и даже став памятником республиканского значения, претерпевал унижительные муки современной реставрации, производимой неквалифицированными и малограмотными организациями» (Н. Малькова «Дом Достоевского: забвения быть не может», 02.06.1994 г.). Для воплощения темы памяти важна изобразительная часть газетного текста, которая включает не только фотографии музея, но и фотографии, отражающие события в культурной жизни города, связанные с памятью о великом писателе (конференции, выставки). Для обозначения чтущих память (с эпохи перестройки не меньшее внимание уделяется и обрекающим себя на беспамятство) важно активное включение в газетные материалы образа «мы» и употребление выражения «наш город»: «**нам, сибирякам, особенно дороги страницы**

жизни писателя, связанные с его пребыванием на сибирской земле» (Ю. Павлов, 06.11.81 г.); «история этой любви тесно связана с **нашим городом**, где М. Д. Исаева жила в 1855–1857 гг. и куда приезжал из Семипалатинска Ф. М. Достоевский в 1856–1857 гг.» (Л. Никонова, 20.11.1986 г.). Особой экспрессией употребление местоимения *мы* и глаголов в соответствующих формах наделяется в контекстах, погружающих в атмосферу музея, выставки. Они используются как в текстах нашего времени, так и в художественно-публицистических материалах советского периода. Например, Ю. Некрич, создавая эффект присутствия в музее, обращается к ресурсам художественной публицистики, средства которой помогают создать «монтажные приемы» [11, с. 217–218] и эмоционально заражают адресата: «*на письменном столе – исписанный рукой Достоевского лист, мы не сразу увидим: копия. Мы поверим безоговорочно в немусейную подлинность комнаты по соседству, которая именуется в экспозиции “Гостиная М. Д. Исаевой”. Поверим вдруг, что мы видели этот зелёного сукна ломберный столик – в “Игроке”? “Идиоте”?*» (22.05.1980 г.).

При осмыслении темы «Достоевский в Кузнецке» в период перестройки и в более поздних материалах 1990-х гг. сделан акцент на общечеловеческих духовных ценностях, тогда как в начале XXI в. внимание переносится на тему культурной жизни города. Отметим, что в конце XX – начале XXI в. возрастает употребительность слова *ценность* [12], которое неоднократно встречается и в рассматриваемых материалах, например: «*всё, что связано с именем великого русского писателя Ф. М. Достоевского, приобретает историческую **ценность** во времени, и, следовательно, огромное значение имеет малейший новый факт, неизвестная ранее подробность его биографии*» (А. Шадрин, 06.02.1993 г.).

В работах журналистов и представителей общественности ценностным ориентиром становится внимание к жизни и творчеству Ф. М. Достоевского, которое рассматривается как прикосновение к истории и к прекрасному, сохранение общечеловеческого культурного наследия (отметим, что слово *наследие*, чаще используемое в публицистике, чем в художественной литературе, становится более употребительным в конце XX в. [12]). Это отражается как в названиях рубрик («*Наше наследие*», «*Радение о культуре, о духовном наследии*»), так и в самих газетных текстах, эксплицирующих тему сохранения культурного наследия (Л. Никонова, 01.02.1986 г.; Н. Мальковец, 16.01.1990 г.; В. Паничкин,

06.03.1991 г.). Другая ключевая для публикаций 1990-х гг. тема, связанная с темой сохранения культурного наследия, – финансовое неблагополучие (фиксируется повышение уровня частотности слова *деньги* в газетной публицистике 1990-х – 2000-х гг. [12]). Например, тема финансового неблагополучия сосуществует с темой ценностей в аналитической корреспонденции Л. Савицкой: *«грандиозным обещает быть празднование 175-летия со дня рождения Ф. М. Достоевского. Если, конечно, город найдёт соответствующие средства. <...> Где взять деньги? Ко времени ли такое дорогое торжество? Такой вопрос прозвучал. Резонный вроде вопрос. Но есть, есть ценности, ради которых стоит презреть свою нищету, заставляющую думать только о хлебе насущном»* (05.03.1996 г.). В контексте с возвышенной лексикой актуализирована антитеза хлеба насущного (фразеологизм-библейзм передает метонимический образ материальных потребностей человека: *«то, что необходимо для пропитания, существования»* [13, с. 359]) и особых ценностей, одна из которых – память о пребывании Достоевского в нашем городе.

Как уже говорилось, в период перестройки актуализируется этическая пейоративная оценка беспамятных потомков. Так, в статье искусствоведа и краеведа А. С. Шадринной эмотивный смысл возмущения помогают передать антитезы *старинное кузнецкое кладбище – сад алюминщиков* и *бульдозер – кресты и надгробия*: *«Е. И. Тюменцев (священник, венчавший Ф. М. Достоевского и М. Д. Исаеву) скончался в 1898 году, место захоронения его неизвестно. Можно только предполагать, что это могло быть у стен Одигитриевской церкви, Преображенского собора или на старинном кузнецком кладбище, которое неблагоприятные потомки превратили в сад алюминщиков, пройдясь бульдозером по крестам и надгробиям своих предков»* (А. Шадрина, 07.06.1990 г.). В актуализации второй антитезы проявляется важная роль в публицистическом тексте образа, выраженного конкретным именем существительным, которое совмещает в контексте прямое значение и богатую коннотативную информацию. Используя такие образы, публицист не только создает фактографичность, значимую для «летописи современности», но и усиливает воздействие на адресата, поскольку наряду с предметным смысловым уровнем актуализируются образный и концептуальный.

Журналист В. Валиулин, раскрывая тему беспамятства, объединяет кузнечан и новокузнечан и с помощью прямой речи создает обобщенный образ обывателя: *«нельзя сказать, что жители Кузнецка, а после своего нового рождения – Новокузнецка, слишком гордились этим обстоятель-*

ством. Возможно, судили так: “Ну, обвенчался бывший каторжный и обвенчался. Мало ли их, горемычных, тут прошло. Всех не пересчитаешь”» (12.03.1992 г.). В данном эмоционально-экспрессивном контексте, как и в материале А. С. Шадринной, используется противопоставление, причем в него включены не отдельные элементы, образующие смысловые оппозиции, а изотопические цепочки, которые отражают оценочную позицию автора, тревогу о псевдонаполнении души. Противопоставлены ряд, связанный с духовностью, Богом (*церковь – освятившая – страдальческие*), и ряд, передающий атеистические, разрушительные смыслы советской эпохи, – *угар всеобщего очищения – строительно-промышленный пафос – снесли: «тем более, что саму церковь, освятившую брак двух страдальческих сердец, в угаре всеобщего очищения снесли, а души наполнились новым, строительно-промышленным пафосом, не оставлявшим места для идейных исканий. Так и прошло более века без имени Достоевского»* (В. Валиулин, 12.03.1992 г.). Прагматическую роль в контексте играет метафора угара, передающая безумное, болезненное, опасное для жизни, для души состояние.

Соотнесение темы беспамятства не только с современниками, но и с жителями дореволюционного Кузнецка происходит и в статье, где А. С. Шадринна рассматривает образы Кузнецка и кузнечан в газете «Сибирская жизнь». Автором приводится фрагмент публикации от 21 мая 1899 г.: *«со временем, когда где-то там заговорят о Достоевском и память о нём будет праздноваться, тогда и мы вспомним, что он посещал г. Кузнецк и даже здесь венчался с первой своей женой в Богородицкой церкви. Удивительно, право, как мало мы умеем понимать значение наших деятелей и сохранять воспоминания о них. Когда я ехал в Кузнецк, то надеялся собрать много сведений о Ф. М. Достоевском, и каково же было моё удивление, когда на мои расспросы о нём старожилы предлагали мне вопрос: “Чьи они будут, этот г. Достоевский?”»*.

«Обидно стало на душе после таких курьёзов, тем более обидно, что за границей я был очевидцем совершенно иного отношения к знаменитым людям. Там чтут и сохраняют в памяти каждую мелочь, раз она касается знаменитости, не только своей, но и чужой... Вытекает это из уважения к личности, из привычки держать чистым колодезь, из которого пьём...» (А. Шадринна, 20.02.1993 г.). Краевед эмоционально выражает своё полное согласие с изложенной концепцией: *«можно ли сказать лучше, чем это сделал томский корреспондент?!»*. Этическое основание оценки, как видим, связано с уважением к личности. Отметим

сохранившуюся и в современных публикациях роль оценочных антитез, сопоставляющих несовершенное своё с другим, которое должно стать образцом для подражания.

С. Анциферова в статье, заголовок которой актуализирует этическую оценку с помощью силлепсиса, «*Благоустройство улиц и душ*», повторяет курьёзную историю, рассказанную корреспондентом «Сибирской жизни»: *«около ста лет назад в газете “Сибирская жизнь” была опубликована статья о городе Кузнецке. Её автор сообщил читателям: даже городские старожилы не знают, “чьи они будут, этот господин Достоевский”»* (14.06.2001 г.). Композиционную роль в материале играет изотопическая цепочка *около ста лет назад – нынче, в преддверии 180-летнего юбилея писателя*, которая позволяет автору перейти к ироничному изложению грустной истории о беспамятстве некоторых современных новокузнецчан: *«но и сегодня не все из новокузнецчан, по-видимому, знают, “чьи они будут, этот господин”»*. Автор актуализирует антитезу, противопоставляющую беспамятных новокузнецчан и жителей других стран, уважающих память о писателе, при этом важную регулятивную роль играют соответствующие хоронимы и антропонимы (*Франция, Америка, Япония, Коити Итокава*). В материалах, выражающих пейоративное отношение к беспамятным потомкам, важна также телеологическая оценка, которая существует синкретично с доминирующей этической, как в рассмотренных примерах, или выходит на первый план, например: *«только в 1980 году в Новокузнецке открывается литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского. Было упущено время, которое должно было способствовать розыскам экспонатов, сведений от старожил о кузнецком периоде жизни писателя»* (А. Шадрина, 23.03.1989 г.).

Тема беспамятства играет ключевую роль и в материалах XXI в. Так, в экспрессивно-неодобрительном описании не столько пространства вокруг музея, сколько небрежения к памяти использован символически нагруженный образ «*мусорной кучи*»: *«эта мусорная куча близ музея ещё несколько раз “всплывала” в выступлениях краеведов, превратившись в конце заседания едва ли не в символ отношения города к своей культурной святыне. Кто-то сказал даже, что она и есть признак того, что образ Достоевского в городе присутствует, так как ситуация с музеем и мусорной кучей возле него – это и есть самая настоящая “достоевщина”»* (В. Валиулин, 11.11.2010 г.). Символическое звучание обретает и образ пути к музею, который одновременно является образом метафизического пути к Достоевскому: *«разбитый спуск к пешеходному переходу,*

длинная стена тюрьмы (что называется, без архитектурных излишеств), за ней специфический мирок слободки с полуаварийными домами, потом пустырь, по правую руку некая промзона, далее сочная помойка с привольно раскинувшимся в радиусе тридцати метров содержимым, – а вот после этого уже и музей, с неожиданным простором в маленьком ухоженном дворике. На обратном пути во всём этом маргинальном пейзаже поневоле обнаруживаешь присутствие метафизической достопримечательности. Всё как в романах Достоевского, по принципу катарсиса: через низ, грязь, вину, страдание – через перекрёсток и площадь – вверх, к храму, к свету. Однако же премьера В. В. Путина в его новокузнецкий визит в 2009 году сюда на всякий случай не повезли» (И. Басалаева, 01.12.2011 г.).

Отметим, что в материалах XX в. создан более яркий образ Кузнецка эпохи Достоевского, большее внимание уделяется образу музея, тогда как в материалах XXI в. акцент перенесён на роль «кузнецкого периода» в жизни и творчестве писателя, на создание образа «грозного чувства». С одной стороны, такой отклик газетных текстов связан с фактами и событиями: 17 мая 1980 г. в городе открыт Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского, ведутся споры о его экспозиции и сохранении материальных объектов, активизировавшиеся в эпоху перемен. Газетные материалы включают фотографии музея: вид снаружи и внутри. С другой стороны, именно с периодом перестройки связано более активное обращение медиатекстов к дореволюционной истории Кузнецка, расширение круга тем, представляющих малую родину: *«почти 400-летняя история нашего города насчитывает немало светлых страниц. Новокузнецчанам можно гордиться не только Кузнецкстроем и трудовыми подвигами во время войны, но и историей города Кузнецка прошлых веков»* (Е. Цибизова, 16.11.1996 г.). В эпоху перемен, связанную с расшатыванием системы ценностных координат, с аномией, укрепление новой системы начинается с поиска истоков, с интереса к корням: *«мы все были одинаковы, однолики, мы и семьи своей кровной не знали, и генеалогического древа не помнили. И только-только почувствовали вдруг, что ничего хорошего в таком беспомыслии нет, что порождает такое беспомыслие недобрых, агрессивных людей, с ограниченным кругозором и глухим ко всему, кроме своего, личного и корыстного интереса, внутренним миром»* (Т. Михайлова, 02.02.1990 г.). Именно с этой особенностью системы ценностей периода перестройки и 1990-х гг. связана, на наш взгляд, ключевая роль слова *возрождение*, вошедшего в «Словарь перестройки» [14, с. 36].

Например, отчет В. Паничкина о встрече в краеведческом музее специалистов, занятых созданием историко-мемориальной зоны, с членами постоянной комиссии горсовета по культуре озаглавлен *«На пути к возрождению»* (06.03.1991 г.). Ключевое слово текущего момента возрождения мы встречаем и в размышлениях журналиста, завершающих интервью с директором музея: *«надо побывать здесь, заразиться верой и энтузиазмом директора в возрождение культурной зоны, в создание очага культурной истории»* (В. Валиулин, 12.03.1992 г.).

Таким образом, краеведческие доминанты раскрывают влияние на специфику регионального медиадискурса различных факторов, среди которых в качестве основного выступает фактор исторический. Краеведческие доминанты городской газеты «Кузнецкий рабочий» соотносят образ города с историей его возникновения, экономического развития, благоустройства («Новокузнецк металлургический»), с общенациональным культурным контекстом («Ф. М. Достоевский в Кузнецке»), с этническим своеобразием региона («Судьба шорского народа»). Краеведческие доминанты отражают политематичность информационного пространства медиадискурса и задают несколько направлений ценностного осмысления темы малой родины, основой которого являются любовь и уважение к родному краю, осознание связи настоящего и будущего с историей, необходимости хранить традиции, учитывать преемственность поколений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Швецова-Водка, Г. Н. Общая теория документа и книги [Текст]: учеб. пособие / Г. Н. Швецова-Водка. – Москва: Рыбари; Киев: Знания, 2009. – 487 с.

2. Тикунова, И. В. Современная региональная библиотека в контексте построения обществ знаний [Электронный ресурс] / И. В. Тикунова // Персональный сайт И. П. Тикуновой. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2007–2016. – Режим доступа: http://tikunova-i.narod.ru/ni/sovr_reg_bib.htm. – Загл. с экрана.

3. Викулова, В. П. Мемориальная деятельность публичной библиотеки: организационно-управленческая концепция [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук / В. П. Викулова. – Москва, 2008. – 24 с.

4. Булгаков, В. Ф. Ф. М. Достоевский в Кузнецке [Электронный ресурс] / В. Ф. Булгаков // Lib.ru/Классика: сайт. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2017. – Режим доступа: http://az.lib.ru/b/bulgakow_w_f/text_1904_dostoevsky.shtml. – Загл. с экрана.

5. Шадрина, А. С. Двадцать два дня из жизни Ф. М. Достоевского (г. Кузнецк, 1856–1857 гг.) [Текст]: историко-документальное издание / А. С. Шадрина. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1995. – 156 с.

6. Кушникова, М. Загадки провинции. «Кузнецкая орбита» Фёдора Достоевского в документах сибирских архивов [Текст]: историко-документальное издание / М. Кушникова, В. Тогулев. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1996. – 472 с.

7. Басалаева, И. П. Концепт «Кузнецк Достоевского» [Текст] / И. П. Басалаева // Творчество Ф. М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации: сб. материалов IX междунар. науч.-практ. конф. – Новокузнецк: Изограф, 2011. – С. 99–104.

8. Пушкарева, И. А. О семантико-стилистическом воплощении образа города в газетном тексте краеведческого характера [Текст]: тема «Достоевский в Кузнецке» в городской газете «Кузнецкий рабочий» / И. А. Пушкарева // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2013. – № 3 (23). – С. 24–33.

9. Пушкарева, И. А. «Кузнецк Достоевского» в материалах городской газеты [Текст] / И. А. Пушкарева // Филология и человек. – 2013. – № 2. – С. 158–165.

10. Пушкарева, И. А. Ценностное осмысление темы «Достоевский в Кузнецке» в городской газете «Кузнецкий рабочий» конца XX века [Текст]: семантико-стилистический анализ / И. А. Пушкарева // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – № 6 (38). – С. 68–85.

11. Горшков, А. И. Русская стилистика [Текст]: учеб. пособие / А. И. Горшков. – Москва: Астрель, АСТ, 2001. – 367 с.

12. Ляшевская, О. Н. Частотный словарь современного русского языка [Электронный ресурс]: на материалах Национального корпуса русского языка / О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров // Словари, созданные на основе Национального корпуса русского языка: сайт. – Электрон. дан. – Москва, 2008–2011. – Режим доступа: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>. – Загл. с экрана.

13. Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Текст]: около 57000 слов / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. – Москва: Сов. энциклопедия, 1973. – 846 с.

14. Словарь перестройки [Текст] / В. И. Максимов [и др.]; под общ. ред. проф. В. И. Максимова. – Санкт-Петербург: Златоуст, 1992. – 256 с.

Министерство культуры Российской Федерации
Департамент культуры и национальной политики Кемеровской области
Администрация города Новокузнецка
Кемеровская епархия Русской православной церкви
Кузбасская православная духовная семинария
ГУК «Кемеровский областной музей изобразительных искусств»
МАУК «Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского»

ТВОРЧЕСТВО Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И СОВРЕМЕННЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

В рамках празднования на федеральном уровне памятной даты –
400-летия основания города Новокузнецка Кемеровской области

Сборник научных статей

Новокузнецк – Кемерово
2017